

Генрих Петрович Клинг (Биографический очерк)

Г.П. Клинг. 1926 г.

Много лет я занимаюсь популяризацией истории поволжских немцев, используя созданный мною в январе 2005 года сайт «Geschichte der Wolgadeutschen» (История немцев Поволжья). Особое место на этом сайте занимает «Энциклопедический словарь», а в нём – биографические статьи о разных людях дореволюционной эпохи и периода существования Республики немцев Поволжья, сыгравших более или менее заметную роль в истории поволжских немцев. Как правило, источником для составления словарных статей являются книги, старые газеты и Интернет. Биография Генриха Петровича Клинга, пожалуй, первая работа, в которой я прибегаю к использованию обширных архивных материалов. Это обстоятельство дало возможность провести углубленное исследование жизни и деятельности Г.П. Клинга, что, в свою очередь, позволило выйти за рамки обычной словарной статьи и, в конечном итоге, побудило меня написать данный биографический очерк.

Впервые о Клинге я прочитал в «Трудах Саратовской ученой архивной комиссии»¹. Тогда же я взял себе на заметку подготовить и разместить на сайте его биографию. Произошло это в 2010 году, и только спустя четыре года я приступил к реализации задуманного. Как выяснилось, биография Генриха

---

¹ Соколов С. Д. Саратовцы писатели и ученые. (Материалы для био-библиографического словаря). // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1915, вып. 32, с. 226-227.

Петровича Клинга была опубликована в энциклопедии «Немцы России»². И, хотя, эта энциклопедия имеется у меня давно, биографию Клинга в ней я обнаружил только взявшись за подготовку собственной статьи. Имевшиеся в моём распоряжении два источника взаимно дополняли друг друга и их вполне могло бы хватить для составления биографической статьи для энциклопедического словаря. Но меня заинтересовали прочитанные в энциклопедии «Немцы России» факты из биографии Клинга о том, что он был революционером, активным участником автономистского движения немцев Поволжья, а в советское время – членом Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Хотелось узнать об этом побольше. В качестве источника литературы к статье в энциклопедии указан справочник «Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1934». Я отыскал эту книгу, но ничего другого, кроме того, что было написано в энциклопедии «Немцы России», в этом справочнике я не нашёл. Точнее, кроме сведений, содержащихся в биографическом справочнике членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, изданном в 1934 году, ничего другого в энциклопедии «Немцы России» о Г.П. Клинге нет. Кроме того, настораживала дата смерти – 1934 год, указанная в энциклопедии. Почему-то при ней не было названо место смерти Клинга. В биографическом справочнике членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев вообще нет никаких сведений о смерти Генриха Петровича. Интуиция подсказывала мне, что дату его смерти автор энциклопедической биографической статьи, Н. Троицкий, указал условно. Очевидно, что более поздних сведений о Г.П. Клинге автор не нашёл и справедливо предположил, что Клинг умер вскоре после публикации биографического справочника в 1934 году.

Между тем, мне попался многотомный аннотированный указатель книг и публикаций в журналах «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях», изданный в 1976-1989 гг. В указателе я нашёл дополнительный источник информации о Г.П. Клинге³. Прежде, чем назвать этот источник, сделаю небольшое отступление. Дело в том, что в 1921-1935 гг. в СССР существовала общественная организация «Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев», членом которого являлся Г.П. Клинг. Общество издавало журнал «Каторга и ссылка». В одном из номеров этого журнала в 1930 году были опубликованы воспоминания Клинга «По тюрьмам и этапам», охватывавшие период его жизни в 1886-1888 гг., а именно, арест по делу ярославского кружка «Народной воли», пребывание в Бутырской тюрьме и Петропавловской крепости и этапирование в Восточную Сибирь в административную ссылку на 5 лет.⁴

Знакомясь с содержанием журнала «Каторга и ссылка» за другие годы я нашёл в № 10 за 1933 год ещё один материал о Генрихе Петровиче. Это был некролог о нём⁵. Таким образом, выяснилось, что Клинг умер не в 1934, как сообщает энциклопедия «Немцы России», а в 1933 году в Саратове.

Казалось, материалов для написания биографической статьи для размещения на сайте было предостаточно. Но мне хотелось найти что-то ещё. Тогда я обратился в Государственный архив Российской Федерации, в котором нашлось два личных дела Генриха Петровича Клинга: одно – в фонде 533

---

² Немцы России: Энциклопедия. М., 2004, т. 2, с. 114.

³ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 2. Ч. 1. 1857-1894. – М.: Книга, 1979, с. 336.

⁴ Клинг Г.П. По тюрьмам и этапам. // Каторга и ссылка. Сборник. – Б.м.: Изд. О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1930, № 8/9 (69/70), с. 176-183.

⁵ Попов И.И. Генрих Петрович Клинг. // Каторга и ссылка. Сборник. – Б.м.: Изд. О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1933, № 10 (107), с. 125-128.

«Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев»⁶, другое – в фонде А539 «Комиссия по установлению персональных пенсий при Совете министров РСФСР»⁷. Более того, в фондах архива хранятся личные фотографии Г.П. Клинга. Один снимок сделан в 1909 году, второй – в 1926-ом.⁸

Но и это ещё не всё. В Центральном Государственном архиве Самарской области обнаружилось дело Канцелярии Самарского губернатора 3-го стола «О бывшем административно-ссыльном Генрихе Клинге» (1893-1894 гг.).⁹ Документы этого дела также помогли воссоздать жизненный путь Г.П. Клинга.

Кроме названных выше основных источников, при написании настоящей работы были использованы также «Журналы Новоузенского уездного земского собрания» за 1913-1915 гг., ревизские сказки по колонии Таловка (Бейдек) и другие источники, указание на которые имеются в ссылках по тексту.

А. Шпак

*р. п. Средняя Ахтуба
Январь–апрель 2015 г.*

I

Генрих Петрович Клинг родился 12 декабря 1861 года в немецкой колонии Гоффенталь¹⁰ Новоузенского уезда Самарской губернии. Но называется и другая дата его рождения. В материалах для био-библиографического словаря «Саратовцы писатели и ученые», опубликованных в «Трудах Саратовской ученой архивной комиссии» с 1913 по 1916 год, С.Д. Соколов пишет, что Клинг родился 12 ноября 1861 года¹¹. Является ли это ошибкой составителя или типографской опечаткой, неизвестно. В любом случае, несомненно, что правильная дата рождения Генриха Петровича Клинга – 12 декабря 1861 года, которую он сам многократно указывает в различных анкетах и в своей автобиографии.

Предки Клинга были выходцами из Германии. Впрочем, как и предки большинства поволжских немцев. По словам Клинга, «в 1764 г. они выехали из с. Гайтц [Haitz], округа Гельнгаузен [Gelnhäusen] близ Франкфурта-на-Майне и поселились в 50 верстах к югу от Саратова в вновь основанном с. Таловке»¹². В колонии Таловка, или Бейдек, семейство Клинг прожило до середины XIX века. В 1845 году дед Генриха Петровича переселился в «Заволжскую степь близ Юго-Восточной фермы, учрежденной в 1842 г., куда переводили детей из столичных воспитательных домов»¹³.

Действительно, в Новоузенском уезде Самарской губернии существовала Юго-Восточная учебная ферма. Только организована она была не в 1842 году, как пишет Клинг в своей автобиографии, а двумя годами ранее, согласно предписания Министерства государственных имуществ от 31.12.1840 № 11539 о содействии

⁶ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341.

⁷ ГАРФ. Ф. А539, Оп. 4, Д. 1582.

⁸ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 6, Д. 1918.

⁹ ЦГАСО. Ф. 3, Оп. 179, Д. 11.

¹⁰ С 1942 г. – с. Ждановка Краснокутского района Саратовской области.

¹¹ Соколов С. Д. Саратовцы писатели и ученые. (Материалы для био-библиографического словаря). // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1915, вып. 32, с. 226.

¹² ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 3. Здесь и далее в цитируемых текстах в квадратных скобках [] приводятся пояснения, отсутствующие в оригинале.

¹³ Там же.

в приискании удобного места (хутора) для её учреждения. Находилась ферма по левую сторону почтового тракта из г. Саратова в г. Новоузенск в 1,5-2 верстах на северо-запад от хутора Зори (или Зорин; позже на этом месте было образовано село Лебедевка), расположенного на правом берегу реки Еруслан. Создание образцовых учебных ферм в главных сельскохозяйственных районах Европейской России было начато по инициативе и под руководством министра государственных имуществ П.Д. Киселева. Было открыто восемь таких ферм – в Тамбовской, Луганской, Екатеринославской, Харьковской, Самарской, Саратовской, Казанской и Вологодской губерниях. Согласно положению, на каждой ферме предполагалось содержать от 100 до 200 молодых людей в возрасте от 17 до 20 лет. Срок обучения – четыре года. Ученикам старших классов на ферме должны были отводить особые участки для самостоятельной практики; лучшие из окончивших курс могли служить в особых «казенных» образцовых усадьбах, учреждаемых в волостях и при сельских обществах. Однако проект Киселева не получил долгой жизни. Главным препятствием оказалось то, что крестьяне не слишком охотно отдавали своих детей на фермы; вернувшись домой, выпускники не использовали полученные знания для улучшения хозяйства. В конце 1850-х гг. фермы начали закрываться. Тем не менее всего на фермах до 1865 г. прошли обучение около 2,5 тыс. человек.¹⁴

Юго-Восточная учебная ферма просуществовала с 1841 по 1859 год. Работал ли дед Генриха Петровича Клинга на этой ферме или он поселился в близлежащем хуторе Зори и занимался земледелием, Клинг не уточняет. Между тем, в заволжских степях начинают возникать дочерние немецкие колонии. Именно в этот период напротив хутора Зори на противоположном берегу реки Еруслан появляется немецкая колония Гоффенталь. Вероятно, из-за близости учебной фермы колония носила второе название Ферма. Считается, что колония Гоффенталь была образована в 1859 году. Фактически же заселение этого места началось несколько раньше. В автобиографии Г.П. Клинг пишет: «в 1856 г. заложено селение Гоффенталь, где основался мой дед»¹⁵.

Гейнрих Клинг, дед Г.П. Клинга, перебрался из Таловки в Гоффенталь целым семейством. Состав его семьи мы находим в «Выписке из ревизской сказки Саратовской губернии Камышинского уезда колонии Таловки, о переселившихся из оной колонистах в Самарскую губернию Новоузенский уезд в колонии Ерусланского округа», составленной 15 ноября 1857 г. Кстати, это единственное семейство, переселившееся из колонии Таловка во вновь образованную колонию Гоффенталь. Всё семейство насчитывало 9 человек:

глава семьи Гейнрих Клинг, возраст 57 лет,

его жена Катарина Реклинг, 57 лет,

их дети:

1-й сын Гейнрих Якоб, 29 лет,

его жена Анна Элизабета Горович, 29 лет,

их дети:

дочь Мария Магдалена, 6 лет,

сыновья:

Иоганн Петер, 4 года,

Иоганн Гейнрих, 2 года,

2-й сын Иоганн Петер, 20 лет,

и дочь Анна Мария, 24 года.

Второй сын Гейнриха Клинга, Иоганн Петер, в возрасте 20-ти лет, это отец Генриха Петровича Клинга. А двоюродный брат Г.П. Клинга, Иоганн Петер,

¹⁴ Елина О.Ю. От царских садов до советских полей: История сельскохозяйственных опытных учреждений XVIII – 20-е годы XX в.: В 2 т. – М., 2008, т. 2, с. 30.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 3.

которому в 1857 году было 4 года, это отец Александра Петровича Клинга, депутата 2-й Государственной думы Российской империи.

По данным на 1859 год в колонии Гоффенталь насчитывалось 25 дворов с населением 221 чел.; здесь имелось училище.¹⁶

«Первые 20 лет существования с. Гоффенталь представляло из себя бедный хуторок, периодически страдавший от неурожаев и от набегов киргиз-конокрадов. Постройки были почти исключительно саманные. Школой для обучения детей служила меленькая саманная хижина, а учителем был временно приглашен крестьянин без специального образования, который исключительно преподавал закон божий».¹⁷

С семи лет Клинг учился в этой школе, а через два года перешёл в церковно-приходское училище в соседнее русское село Логиновка (Нижний Еруслан), располагавшееся в 10 км вниз по течению реки Еруслан, для изучения русского языка. Между прочим, в те годы это село по количеству дворов и населению значительно превышало волостное село Красный Кут.

16 марта 1873 г. Клинг поступил в подготовительный класс немецкого Александро-Мариинского училища в Саратове и 3 июня того же года был переведен в 1-й класс. Во время летних каникул это училище было преобразовано в реальное училище. В августе после сдачи экзамена Клинг был принят в первый класс Александро-Мариинского реального училища, которое окончил в 1882 году.

Учась в Саратове, Генрих Петрович познакомился с радикальной молодежью, знал И.И. Майнова, С.Г. Ширяева и др., читал нелегальную литературу, но в кружки не входил.¹⁸

II

Окончив реальное училище, Генрих Клинг уехал в Москву и осенью 1882 г. после конкурсного испытания поступил в Петровскую земледельческую академию. Во время учебы в Москве Клинг начинает втягиваться в революционную деятельность. Уже на первом курсе его квартира служила явкой для иногородних. Он хранил нелегальную литературу, перевозил и пересылал её и исполнял разные партийные поручения. На 2-м курсе Клинг вошёл в издательский кружок и через него осуществлялась связь с литографией Киселева по изданию революционной литературы. Эти сношения с литографией велись более двух лет, до тех пор, пока весной 1884 г. литография не провалилась. В связи с этим провалом было арестовано несколько лиц, но Генрих Петрович избежал ареста. Вот как он сам пишет о начале своей революционной деятельности:

«В старших классах Саратовских реального училища и [1-ой мужской] гимназии существовали так называемые «радикальные кружки», но я в них участия не принимал.

Только осенью 1883 г. уже в Москве я постепенно втягивался в революционную работу, по оказании различных услуг. Началось это с работы в издательском кружке. Я, как совершенно чистый и благонадежный с полицейской точки зрения, вел сношения с частной литографией Киселева, где нами издавались разные нелегальные сочинения: «Исторические письма Миртова» и др. Также издавали «Новое Евангелие» и «В чем моя вера» А.Н. Толстого,

¹⁶ Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Самарская губерния. СПб., 1864, с. 91.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 3.

¹⁸ Попов И.И. Генрих Петрович Клинг. // Каторга и ссылка. Сборник. – Б.м.: Изд. О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1933, № 10 (107), с. 125.

которые духовенством охотно покупались по высоким ценам, так что такие издания составляли солидную доходную статью для бюджета издательского кружка».¹⁹

На Г.П. Клинге лежала связь с некоторыми народовольческими кружками в провинции. Особенно он был близок к ярославскому кружку народовольцев и дружил с П.А. Мухановым, погибшим в 1889 г. во время якутской трагедии.

2 октября 1884 г. Клинг был одним из организаторов так называемой «катковской» демонстрации на Страстном бульваре, перед редакцией и типографией «Московских ведомостей». Демонстрантов оцепили жандармы и полиция и их повели в Бутырскую тюрьму. Клингу и студенту А.Ф. Духовичу удалось проскочить цепь и они отправились в «Петровку», чтобы предупредить товарищей об арестах и, в ожидании обысков, очистить квартиры захваченных на демонстрации товарищей. 2 ноября 1884 г. на общей квартире студентов, где жил Г.П. Клинг, был проведён обыск. Хотя полиция явилась с обыском только к студенту Н.П. Щекотову, у Клинга тоже провели обыск. Это был первый обыск в жизни Генриха Петровича. Обоих студентов препроводили в участок. После установления личности Клинга отпустили, а Щекотова арестовали и поместили в тюрьму. Этот обыск Клинг считал случайным. Слежки за собой он не замечал, хотя, по архивным данным²⁰, негласный надзор за ним был установлен в 1883 г. По-видимому, надзор этот был довольно поверхностный, так как в 1885 г. у Клинга в течение нескольких месяцев жил без прописки нелегальный Муханов, но никаких действий со стороны полиции не последовало.

С конца 1884 г. Г.П. Клинг работал с Ярославским кружком народовольцев, со студентами Димидовского лицея: А.В. Геденовским, А.С. Чумаевским, П.А. Мухановым, С.М. Смирновым и др.

В конце 1885 г., в связи с арестом саратовских курсисток, которые бывали у Клинга, у него был произведен второй обыск. Но и в этот раз ничего предосудительного не было найдено и Клинга не арестовали.

Клинг не прерывал связей с П.А. Мухановым, а также с приезжавшим в Москву С.А. Ивановым («Заика», бывший шлиссельбуржец). Вначале 1886 г. они трое едва не были арестованы. Однажды вечером Клинг ехал из «Петровки» на одном извозчике с нелегальными Ивановым и Мухановым. Не доезжая Страстного монастыря, извозчик предупредил их, что сзади едут два шпика. Извозчика остановили. Клинг стал расплачиваться с ним, а Иванов и Муханов ускакали на лихаче. Удалось отделаться от шпигов и Клингу. Поздно вечером он вновь встретился с нелегалами в назначенном месте. Вскоре Клинг заметил, что за ним началась слежка, поэтому он был вынужден прекратить на некоторое время всякие сношения с революционным миром. В конце марта к Клингу приезжал Ив. Вас. Беневольский, чтобы предупредить о возможном обыске. Позже выяснилось, что Беневольский был секретным сотрудником охраны. Вскоре Муханов был арестован в Москве при выходе из квартиры И.В. Беневольского. В ту же ночь в отсутствие Клинга был обыск на его квартире.

2 апреля 1886 г. во время выпускных экзаменов в Петровской академии Генрих Петрович Клинг был арестован по делу Ярославско-Московского кружка народовольцев. Для окончания курса обучения в академии оставалось ещё два экзамена.

---

¹⁹ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 4.

²⁰ В 1883 г. Г.П. Клинг был заподозрен в принадлежности к революционному кружку партии «Народная воля», за что был подвергнут негласному надзору полиции. – Архивная справка Центрального архива РСФСР № 703811/СП от 16.10.1926. (ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 18-18об.)

III

Когда Генриха Клинга арестовали, ему не было ещё и двадцати пяти лет. Его привлекли к дознанию за участие в революционных кружках, в одном из которых он стоял во главе, за предоставление убежища нелегальным революционерам, распространение революционных идей среди ярославской учащейся молодёжи, за участие в разработке плана ограбления денежной почты и подделку фальшивых паспортов для революционных деятелей.²¹ В 1930 году в журнале «Каторга и ссылка» в № 8/9 были опубликованы воспоминания Г.П. Клинга «По тюрьмам и этапам», в которых он подробно описывает события 1886-1888 гг. Поскольку не каждый может сейчас с ними познакомиться, ниже я привожу эти воспоминания в полном объёме. Здесь же лишь кратко перечислю эти события в хронологическом порядке.

Г.П. Клинг просидел 1 год и 9 месяцев в Бутырской тюрьме в Москве. Затем за участие в тюремном бунте он был переведен в Санкт-Петербург сначала в Петропавловскую крепость, а позже в Дом предварительного заключения. 2 ноября 1887 г. последовало постановление о его высылке в распоряжение Иркутского губернатора. В мае 1888 года Генрих Петрович был сослан на 5 лет на р. Нижнюю Тунгуску в Киренский округ Иркутской губернии. 26 октября 1888 г., после пяти месяцев скитания по этапам, Клинг прибыл в Преображенск на Тунгуске.

По тюрьмам и этапам.²²

Предательство Дегаева, провалы Германа Лопатина, С.А. Иванова и др. повели к окончательному разгрому партии «Народная Воля».

В Москве в это время работал провокатор Зубатов (впоследствии видный деятель охраны в российском масштабе), который в течение нескольких лет работал в кружке революционной молодежи в Москве.

Бывший почтовый чиновник Ив. Вас. Беневольский в Москве, — впоследствии помощник Зубатова, — выдал ярославцев, саратовцев и др.

В течение нескольких месяцев в начале 1886 года регулярно два раза в неделю производились в Петровско-Разумовском обыски и аресты.

Это готовились к приезду в Москву царя Александра III.

2 апреля 1886 год я был арестован по делу ярославского кружка партии «Народной Воли».

Следствие по этому делу велось 1 год 7 мес. 2 ноября 1887 г. мне была объявлена административная ссылка в Восточную Сибирь на 5 лет.

Побыв в ряде городских полицейских частей: городской, Пречистенской, я летом попал в Бутырки в полицейскую башню, где застал уже несколько студентов петровцев и др.

В это время в Часовой башне сидели административные ссыльные, в Северной — каторжные, а в Пугачевской — женщины.

Четыре башни отделялись от главного двора небольшим двориком с довольно высокими каменными стенами и воротами, бывшими всегда на запоре и отпиранными по звонку изнутри дежурным надзирателем.

²¹ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 18.

²² Каторга и ссылка. Сборник. — Б.м.: Изд. О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1930, № 8/9 (69/70), с. 176-183.

У нас, подследственных, камера должна была быть всегда на запоре, но мы вскоре добились того, что камеры всегда были открыты. Даже сами приспособили себе ключи из полосового железа, выломанного из кроватей.

Надзирателям не выгодно было с нами ссориться, а посторонние посетители впускались только по звонку у ворот, и мы всегда имели время и возможность запирать камеры.

Административные ссыльные заведовали кухней всех политических и кормили нас довольно хорошо.

Со всеми башнями установились у нас сношения и жилось довольно сносно.

В Москве тюрьмы были переполнены, и администрация старалась ввести более строгий режим, отнимая с трудом добытые нашими предшественниками льготы. Само собой разумеется, что на всякие прижимы мы отвечали протестом.

Но вот осенью 1886 года была отправлена последняя партия политических административных, ссыльных и каторжан и нас, подследственных, решили перевести на общий котел уголовных. На это мы не согласились и стали готовить себе пищу в чайниках над лампами и даже в самоварах.

Однажды товарищ прокурора Семенов застал момент, когда один из нас, подследственных, стал вытряхивать из самовара готовую кашу. После этого было получено предписание отобрать у заключенных все вещи, оставив лишь 2 книги, смену белья и верхнее платье. Для выполнения этого предписания явились в полицейскую башню, где сидели мы, два помощника смотрителя, в сопровождении нескольких надзирателей. Один из них явился в мою камеру, а другой, заведующий политическим отделением — к С.И. Кангеру.

На заявление о выдаче всех лишних вещей я ответил отказом. Тогда помощник смотрителя почему-то вместо книг схватил со стола миску с молоком. Ударом я вышиб миску из рук помощника смотрителя и облил его шинель. Для него было достаточно оказанного мною сопротивления для составления акта, и он ушел с надзирателем.

Через камеру от меня сидел С.И. Кангер. Когда к нему явился помощник смотрителя с надзирателем, Кангер также отказался подчиняться предписанию. Помощник схватил с его стола несколько книг, но, получив удар ногой в живот, бросил их и ретировался.

Во время этой возни подследственные других камер — И.Л. Зотов (казнен в Якутске), Муханов (погиб там же), Фролов В.И. и др. начали форменный разгром камер: выбили стекла в окнах, поломали мебель и проч. Целыми, остались камеры только моя и Кангера. Чтобы иметь повод к разгрому своих камер, мы вызвали смотрителя тюрьмы для заявления протеста.

Если он не явится, — решили мы, то приступим к разгрому. Оказалось, что смотритель поехал с докладом о совершившемся к губернатору. Тогда мы потребовали помощника; заведующего политическими. Он отказался явиться, мотивируя свой отказ тем, что с него достаточно одного удара, полученного от Кангера. Его отказ был для нас достаточным поводом, чтобы начать разгром своих камер.

Это было 22 октября 1886 года. Были сильные морозы и нас хотели взять измором в холодных камерах, опасаясь, что если вставить стекла, мы их снова выбьем.

Вечером мы стали водить гребенками по решеткам, что часовыми было принято за подпиливание решеток. Караульные подняли тревогу, и ночью несколько раз являлись часовые проверять целостность решеток.

На другой день были вставлены стекла в окнах. Но этим борьба не кончилась, притеснения продолжались, и мы (10 человек) объявили голодовку. На 3 день несколько человек прекратили голодовку, а остальные голодали 10 дней. Не стоит долго останавли-

ваться на переживаниях во время голодовки. Скажу только, что днем она переносилась сравнительно легко; зато ночью во время сна голод давал себя сильно чувствовать.

На 8 день хотели ночью унести с 3-го этажа больного и сильно ослабевшего Муханова. Но на крик «вор» все вскочили и принялись бить в двери табуретами. Я еще был в состоянии разбить свой табурет. Муханова оставили.

Раз утром мы проснулись от ароматного запаха хорошего бульона. Сперва думали, что это только сон. Оказалось, что для соблазна на откидных дверцах окошечек в дверях стояло по миске с бульоном. Моментально миски полетели вниз.

Во время голодовки велись переговоры между жандармским управлением и губернатором о нашем положении. Жандармы настаивали на том, чтобы нас кормить искусственно. Губернатор на это не соглашался, считая искусственное питание операцией, а всякую операцию допустимой только с согласия больного или его родных.

После голодовки нас перевели в больницу. Было гораздо труднее постепенно привыкать к пище, чем в начале голодовки отказываться от еды.

По окончании голодовки и по выходе из больницы нас, 6 человек, перевели в Петропавловскую крепость в Петербург: И.Л. Зотова, В.И. Фролова, С.И. Кангера, П.Х. Муханова, меня; имя шестого я не помню. Там я заболел цингой, ревматизмом, и были затронуты легкие.

После провала морских офицеров, очевидно, чтобы очистить место для них, некоторых из нас перевели в дом предварительного заключений. Между прочим, Муханов, оставшись в Петропавловской крепости, потребовал себе письменные принадлежности и — когда ему в этом отказали — объявил голодовку.

Наконец, начальство уступило, обещало выдать письменные принадлежности. Когда он начал есть, ему сказали, что все-таки он требуемого не получит. Муханов схватил увесистую цинковую кружку со стола и пустил ее в стоявших у двери тюремщиков, которые успели отскочить в сторону.

Потом он все-таки добился своего.

В доме предварительного заключения я сравнительно спокойно, на положении больного, просидел до 2 ноября 1887 года, когда после 19 месяцев предварительного заключения мне был объявлен приговор — административная ссылка на 5 лет в Восточную Сибирь.

Вскоре меня вместе с А.В. Гедеоновским, А.С. Чумаевским, Мухановым и др. перевели в Москву в Часовую башню Бутырской тюрьмы для дальнейшего следования в Сибирь.

Вновь мы очутились в Бутырках, но только вместо полицейской башни в Часовой, где вместо одиночных камер имелись в трех этажах по общей камере на 10—15 человек. За время нашего отсутствия был изменен тюремный режим. Камеры были целый день закрыты, на прогулку выводили на короткое время и проч.

С первого же дня прихода началась борьба за потерянные льготы. Вскоре добились того, что наши камеры днем не запирались. Свободно выходили на прогулку во дворик при башне когда кто хотел. Добились разрешения на приобретение инструментов для занятий ремеслами: переплетным, столярным. Готовили себе чемоданы на дорогу, имели под своим надзором кухню.

Некоторое время спустя вышло серьезное столкновение у нас по следующему поводу. Один из заключенных, П.А. Муханов, отправил своему брату письмо, конечно, через прокурорский надзор. Письмо это не было пропущено, о чем Муханову было письменно сообщено. Вместо того, чтобы расписаться в том, что ему было объявлено, он разорвал повестку и бросил на пол. Немедленно Муханов был вызван начальником в контору, очевидно, для наложения взыскания. Мы Муханова не пустили.

Перед вечерней поверкой мы собрались в верхней камере и потребовали от начальника дать слово, что за ночь по отношению к Муханову ничего не будет предпринято, и заявили, что иначе мы не разойдемся по камерам.

На это начальник ответил, что он никаких обещаний не дает, и мы отказались разойтись. Вскоре в камеру были введены надзиратели и конвойные солдаты с ружьями. Мы успели устроить баррикады, из-за которых вели переговоры.

На наш отказ расходиться по камерам было сделано распоряжение взять нас силой, и солдаты заработали прикладами по баррикадам. В этот момент Л.М. Бернштейн схватил увесистый переплетный брус и пустил его в голову начальника, но не попал. Немедленно конвойный офицер приостановил наступление; через него мы получили от начальника обещание за ночь ничего не предпринимать по отношению к Муханову.

Когда начальник стал спускаться по винтовой лестнице, мы заметили исчезновение товарища Шер, который по близорукости, попал среди солдат и был увезен в другую башню. Его друг Штольц пришел в такую ярость, что схватил со стены горящую лампу и бросил ее вслед начальнику. К счастью, лампа потухла и только осколками ранило надзирателя Моисеева.

На другой день утром наши камеры оказались, по распоряжению начальника, запертыми. В нижнем этаже по нашему требованию была открыта дверь, мы бросились вверх, отняли замки, которые нами были отвинчены накануне, и все собрались вновь вместе. Отвинченные замки надзиратель завязал в платочек и отнес в контору.

Утром из окна заметили, что в тюрьму наехало много начальства. Вскоре нас вызвали во двор для переговоров и за нами заперли дверь в башню. Нас окружили конвойные и надзиратели и после кратких переговоров развели: Бернштейна, Муханова, Чумаевского и меня — в темный карцер, а других — по разным камерам в главном корпусе. Вскоре и нас из карцера перевели в главный корпус и вернули нам все инструменты и льготы.

Мы готовились к отправке в Сибирь.

В середине мая 1888 года была отправлена в Сибирь из Бутырок первая партия политических.

Она состояла, главным образом, из сосланных в Восточную Сибирь, причем значительный процент их шел в отдаленнейшие места Якутской губернии — Средне-Колымск (преимущественно евреи): О.С. Минор, А.Л. Гаусман, Д.О. Гофман, М.Р. Гоц, Н.А. Шехтер, П.И. Перли, В.С. Гасох, И.Т. Циценко и др. С этой партией шли три каторжанки по делу таганрогской тайной типографии: У. Федорова, Н.К. Сигида и Е.К. Тринидатская. Последняя из них была временами невменяема, психически не нормальна. В Иркутске она окончательно заболела манией величия.

Разместившись в вагоне, перезнакомившись и мирно беседуя, доехали мы более или менее спокойно до Нижнего Новгорода. Там мы пересели на баржу, водой доехали до Перми и по железной дороге до Тюмени.

В тесном кружке близких знакомых стал обсуждаться вопрос об организации побегов; конечно, в первую очередь предпочтение отдавалось каторжанкам, долгосрочным и ссылаемым в более отдаленные места.

При удачном побеге в пределах Европейской России было бы легче скрыться, рассчитывая на помощь с воли. Но строгая охрана со стороны конвоиров давала мало шансов на удачный побег.

Чем дальше вглубь Сибири, тем легче было бежать, но зато добраться до Европейской России было труднее, особенно в то время, когда еще не было Сибирской железной дороги.

По прибытии в Тюмень партия уголовных, с которыми шла наша политическая партия, была на ночь отведена в пересыльную тюрьму, а нас отправили на пристань и

перевели на баржу, где имелось небольшое отделение для политических в трюме и средней палубе.

В этом помещении нам предстояло ехать до Томска в течение 8-10 дней. Нами был поднят вопрос о том, чтобы добиться разрешения пользоваться в пути верхней палубой баржи для прогулок.

Вечером явился на пристань инспектор Западно-Сибирского этапного пути, офицер Волков, вызвал для переговоров меня, как старосту партии, и у нас состоялось соглашение о том, что верхняя палуба будет все время пути в нашем распоряжении, за исключением того времени, когда пароход с баржей будет стоять у пристани. На это время мы должны быть в своем помещении под замком.

На следующее утро привели на баржу уголовных и готовились к отходу. Перед отправкой я вышел на корму баржи, где были торговки с продуктами, для закупки провизии на дорогу.

Этим моментом воспользовалась Федорова; она пошла в группу торговок, вышла на берег и с первым поездом уехала из Тюмени. Теперь нам предстояло возможно дольше скрыть отсутствие Федоровой от конвоя, чтобы дать ей возможность достичь крупных центров, где у ней имелись явки.

В составе нашей партии было несколько случайных лиц, которым мы не вполне доверяли и следили за ними, чтобы они не выдали. Были лица, которые думали, что Федорова получила деньги на побег из общей кассы партии, но когда они убедились, что их деньги целы, они успокоились. Они держались немного в стороне, чтобы не быть в ответе, когда откроется побег.

Для отвода глаз было устроено несколько чучел, около которых всегда сидело несколько человек и дежурили.

В Сургуте предстояла смена конвоя, и если бы была произведена сдача партии по списку, побег был бы обнаружен. Но конвоиры ограничились простым подсчетом и даже насчитали двоих лишних, на чем и успокоились. Только по выходе из Томска на берег было обнаружено отсутствие Федоровой. С этого момента начались всевозможные придирки и притеснения, против которых приходилось бороться.

Первое столкновение вышло со зрителем тюрьмы в Томске, который нас встретил довольно, враждебно. Опасаясь, что нас запрячут в какое-нибудь темное помещение и будут держать взаперти, мы перед тюрьмой остановились и потребовали, чтобы будущее помещение было осмотрено нашими представителями. Зритель из-за солдатских штыков стал грозить нам и ругаться. Тогда мы отказались вести с ним переговоры и потребовали к себе полицеймейстера или губернатора. Инцидент был вскоре улажен; наши представители осмотрели и выбрали подходящее помещение.

В Томске партия была разделена на две части, и первая ушла в первый же этапный день. Другая часть с каторжанами вышла на неделю позже. В этой партии был и я.

В Томске я, как староста партии, пользовался правом выхода в сопровождении надзирателя в город для разных закупок.

Встреча с политическими, проживавшими в Томске, происходила чаще всего в книжном магазине, кажется, Макушина.

О побеге Федоровой распространялись разнообразные сведения даже в местной газете, где работали политические, чтобы сбить с толку полицию. Рассказывалось о нахождении то в одном, то в другом месте утопленницы с приметам, похожими на Федорову.

Второе столкновение вышло с Томским этапным офицером, который настоял, чтобы каторжанки перед отправкой в путь были в казенной одежде. Н.К. Сигида сразу подчинилась, а Тринидатская отказалась. Она была огорчена тем, что дали возможность

бежать Федоровой, а не ей, очевидно, из тех соображений, что ее считали инвалидом, уже негодным для революционной работы. Наконец, удалось убедить Тринидатскую, и мы двинулись в путь.

Кажется, на Мариинском этапе офицер решил поместить нас на нос в камеру между уголовными во избежание побега, вместо камеры, специально назначенной для политических, находящейся с края. Тогда мы вовсе отказались от помещения, тем более, что это было летом и мы устроились во дворе в рогожных кибитках, которые в пути ставились на телеги для защиты от дождя и ветра, Так мы прожили 1 ½ дня на дворе; на ночь, кроме конвойных, для охраны были призваны и расставлены снаружи вдоль стены этапного двора еще крестьяне.

За первым этапом после Красноярска во время дневки, когда Тринидатская хотела выйти на улицу через ворота, ее ударил конвойный. Произошло столкновение, кончившееся тем, что мы отказались идти с офицером этого этапа. Был вызван инспектор Восточно-Сибирского этапного пути, и дело уладилось.

Таких мелких столкновений, вызванных удачным побегом и боязнью новых побегов, было много, и нам постоянно приходилось быть готовыми к отпору.

Чувствовалось все время нервное возбуждение.

Один офицер просил нас дать обещание, что мы побега не учиним; тогда он обещал снять караул. Ему ответили, что его дело караулить, а наше воспользоваться первым удобным случаем, чтобы бежать. Это еще более встревожило его.

На одном этапе, кажется, Итатском, этапный офицер предложил нам ночью пройти две станции, чтобы в запасе на дневке у нас был лишний день отдыха. Он побега не боялся, и мы согласились совершить путешествие ночью вместо жаркого дня и злой мошкары.

Наконец, мы добрались до Иркутска, где партии вновь разбились. Часть осталась в Иркутске для распределения по селениям этой губернии. Другая часть отправилась до Якутска; с ней я шел до Киренска, а оттуда до Нижней Тунгуски в Преображенскую волость.

Из Иркутска мы выехали на колесах до Жигалова, а оттуда в лодках-«шитиках» по р. Лене. В пути нас застал ледоход и пришлось несколько дней переждать до установки санного пути.

Нам предстояло проехать через несколько окружных городов — Верхоленск, Киренск и др., где жили сосланные политические, с которыми при проезде партии старались не допускать свиданий. Обычно перед городом в ближайшем селении в 5-6 килом. производили смену лошадей и ночью партию промчали через город, которая об этой хитрости и не подозревала.

В 1887 году таким путем промчали одну партию через Верхоленск.

Ссылные верхоленцы подкараулили их на улице. С криком и шумом, бросились на лошадей, и из одних саней вылетели сонные пассажиры и оказались в кругу своих. Проговорили до рассвета. Сообщив все новости, наши пленники поехали дальше до следующей станции, где их ожидала остальная партия.

Таким путем промчали и нас, ничего не подозревавших, через Верхоленск.

Перед Киренском за 5 килом. сменили лошадей и вздумали нас промчать через город, чтобы лишить свидания с киренчанами. Это было днем. Мы отказались ехать на подводах и прошли пешком до Киренска. Навстречу нам вышли киренские политические. Тут чуть не вышло столкновения с конвойными, которых почему-то напоили пьяными. Вмешался исправник Крымский (большой взяточник), и после кратких переговоров партия поехала дальше.

На станции Горбово я отстал от партии и на следующий день через Чечуйск выехал на Тунгуску.

26 октября 1888 г. я был в Преображенске, застав там А.О. Сыцялко, Ив. Н. Телепнева и В.И. Пироженко с женой.

Воспоминания Г.П. Клинга заканчиваются прибытием его в место ссылки, которое находилось на расстоянии 1500 верст от Иркутска. Чтобы узнать подробности о ссыльном периоде Клинга, обратимся к его автобиографии:

«Верхне-Калининск или Заимка, где мы жили, отстоит в 350-440 верстах от Киренска и сообщение летом бывает на лодках вверх по течению и верхом на лошадях, зимой – по санному пути. Месяц спустя прибыл Дымников П.И., а через год – Тошаков. Всякие вести до нас доходили с большим опозданием. Также с большим опозданием мы получили известие о якутской трагедии.²³

Мы тотчас же составили свой письменный протест и ожидали оказии для отправки в Киренск. За это время мы получили ещё два протеста с других мест. Подписав все три, мы их послали в Киренск, предоставив товарищам выбрать любой для представления по назначению.

Как потом оказалось, ни один из этих протестов не был представлен, так как некоторые лица, подписавшие первые протесты, вычеркнули свои подписи: в таком виде нашли неудобным посылать их.

На Нижней Тунгуске мы прожили сравнительно спокойно. Только раз из-за перехваченного письма Дымникова к Богоразу был у него обыск. Во время обыска Дымников отказался выдать книгу Карла Маркса. Это обстоятельство было отмечено в протоколе и вызвало новый обыск уже у всех. Второй обыск оказался безрезультатным – «никаких капиталов», по выражению земского заседателя, производившего обыск, не нашли и Дымников отсидел 1 месяц в Киренской тюрьме.²⁴

Летом ссыльные «занимались земледелием, рыболовством, охотой, а зимой обучению детей и взрослых. Принимали участие в учетах волостных должностных лиц, в тункусских «сугланах» (собраниях по учету) и проч.»²⁵

Наконец, наступило 2 ноября 1892 года, когда у Г.П. Клинга кончился срок ссылки и ему было разрешено вернуться в Европейскую Россию. Вместе с Дымниковым, который к этому времени также отбыл срок наказания, Клинг выехал в Киренск и Иркутск. До Киренска их обоих доставили за казённый счёт. Далее нужно было ехать на свои деньги, но Клингу и Дымникову удалось добиться доставки в Иркутск опять за казённый счёт. В Иркутске к ним присоединился Комионко и 4 декабря они втроем «на вольных пустились в путь».

Здесь мы снова сталкиваемся с неточностями в датах. Клинг в своей автобиографии указывает дату выезда из Иркутска 3 декабря.²⁶ В секретном же сообщении Иркутского губернатора за № 2111 от 13 декабря 1892 г. Самарскому губернатору читаем:

---

²³ Суть Якутской трагедии заключалась в расправе над политическими ссыльными, протестовавшими против ухудшения условий их отправки из Якутска в Вилюйск и Среднеколымск. 22 марта 1889 г. подлежащие отправке ссыльные в количестве 33 человек, собравшись в доме Монастырёва, отчего это событие известно ещё и как Монастырёвский бунт, оказали вооружённое сопротивление отряду солдат. 6 ссыльных было убито (С.Я. Гуревич, П.А. Муханов, Я.Ш. Ноткин, С.А. Пик, П.П. Подбельский, Г.Е. Шур), 7 ранено. В июне 1889 г. военный суд приговорил А.Л. Гаусмана, Н.Л. Зотова, Л.М. Коган-Бернштейна к смертной казни, а остальных к каторжным работам. Прежние условия отправления ссыльных в отдалённые места были восстановлены. Якутская трагедия вызвала возмущение общественности в России и в Западной Европе.

²⁴ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 9-10.

²⁵ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 55.

²⁶ Там же.

«Бывший административно-ссылный Киренского округа Генрих Клинг местом постоянного жительства избрал Новоузенский уезд, Самарской губернии, куда он выбыл 4 сего декабря по проходному свидетельству Иркутского полицмейстера от 2 декабря за № 785».²⁷

3 января 1893 года Генрих Клинг прибыл в Саратов.

IV

Приехав в Саратов, Г.П. Клинг через два дня, 5 января 1893 года, попал на традиционный студенческий вечер в Коммерческом собрании, где встретил многих своих знакомых, в том числе вернувшихся из ссылки Степановых и др.

По отбытии срока административной ссылки Клиngu было запрещено проживание в столице, столичных городах и в Саратовской губернии в течение 4 лет, поэтому он поселился у родителей в с. Гоффенталь. Всё это время он продолжал находиться под негласным надзором полиции.

Из рапорта исправника Новоузенского уезда за № 77 от 16 февраля 1893 г. губернатору Самарской губернии:

«Имею честь донести Вашему Превосходительству, что бывший административный ссылный Генрих Клинг во вверенный мне уезд прибыл и поселился в с. Гоффенталь, Верхне-Ерусланской волости, и что негласный надзор за ним установлен».²⁸

У родных Клинг прожил до мая 1893 года. После окончания полевых работ по приглашению товарища по первому делу А.В. Гедеоновского он уехал в Орёл. Гедеоновский сам недавно вернулся в Орёл из ссылки и занимался там организацией партии «Народное право». Очевидно, что так скоро отъезд из родных мест Клиngом не планировался. Так, ещё 27 апреля, проживая в селе Гоффенталь, Клиng обращается к губернатору Самарской губернии с прошением принять его агрономом по борьбе с вредителями сельскохозяйственных растений в Новоузенский уезд²⁹, а уже 8 мая он пишет новое прошение губернатору Самарской губернии, но уже из Орла. На этот раз Клиng просит выдать ему его документы (свидетельство об образовании и др.) и сообщает, что теперь он проживает в г. Орле³⁰.

Прибыв в Орёл, Клиng поначалу устроился на работу в Губернское статистическое бюро статистиком по обследованию частновладельческих хозяйств в Брянском и Дмитровском уездах. Но вскоре ему были запрещены поездки по губернии и он не был утверждён в качестве разъездного статистика. Клиngu пришлось работать в земской лаборатории по почвенным анализам.

Осенью 1893 года губернская статистика закрылась. В это время Генрих Клиng начал готовиться к сдаче двух оставшихся выпускных экзаменов в Петровской Академии. После долгих хлопот ему удалось наездами их сдать и получить диплом агронома.

В Орле Г.П. Клиng встретил, кроме А.В. Гедеоновского, и других старых революционеров. Вскоре он был вовлечён в дело «Народного права» и вошёл в состав партии.

Находясь в Орле, Клиng подал ходатайство о разрешении жительства в Саратовской губернии, на что получил отказ. Однако ответ его уже не застал в Орле, так как 31 декабря 1893 г. он вернулся в родное село Гоффенталь. Эти

²⁷ ЦГАСО. Ф. 3, Оп. 179, Д. 11, Л. 1.

²⁸ ЦГАСО. Ф. 3, Оп. 179, Д. 11, Л. 6.

²⁹ ЦГАСО. Ф. 3, Оп. 179, Д. 11, Л. 7.

³⁰ ЦГАСО. Ф. 3, Оп. 179, Д. 11, Л. 9.

подробности мы узнаём из секретного сообщения губернатора Орловской губернии за № 459 от 12 мая 1894 г. губернатору Самарской губернии.³¹

В начале 1894 года Клинг принимал участие в перевозке от польской границы шрифта для смоленской тайной типографии партии «Народное право». Г.П. Клинг, И.З. Попов и Ромас выехали из Орла окольными путями до Мариамполя близ западной границы. Оттуда шрифт в чемоданах был провезён ими через Ковно, Калугу, Тулу и благополучно привезён в Саратов. Дальше из Саратова в Смоленск шрифт доставляли уже другие люди. Впоследствии типография была выслежена через лиц, посещавших квартиру А.Е. Серебряковой в Москве, имевшей связь со смоленской типографией. Партия «Народное право» была разгромлена. Лишь много лет спустя стало известно о провокаторстве Серебряковой.

Во время этого провала в апреле 1894 года Г.П. Клинг служил управляющим имением на Столыпинских серных водах в Самарской губернии³². 10 мая он был

Г.П. Клинг. 1909 г.

арестован по подозрению в причастности к делу о смоленской тайной типографии и принадлежности к партии «Народное право». Через два дня Клинг, «арестованный и отправленный помощником начальника Самарского губернского жандармского управления по Николаевскому уезду в гор. Самару, г. начальником Самарского губернского жандармского управления, 12 мая сего года отправлен в С. Петербург».³³

Связь Клинга со смоленской типографией не была установлена и, за недоказанностью, дело было прекращено. 20 октября, в день смерти императора Александра III, после 5-ти месяцев одиночного заключения, Г.П. Клинг был выпущен на свободу под гласный надзор полиции.

После освобождения он выехал в Саратов, где первое время жил частными уроками, а с 27 марта 1895 г. поступил городским агрономом в Саратовскую городскую управу. В то время г. Саратов имел до 75 тыс. десятин земли. В этой должности Клинг прослужил до 1 декабря

1918 г., когда земли перешли в Саратовское губземуправление.

В 1900 г. Г.П. Клинг подал директору департамента полиции прошение о разрешении ему проживать в запрещённых городах. В том же году ему разрешили проживать во всех городах империи.

В 1905 г. Клинг был избран гласным Саратовской городской думы.

³¹ ЦГАСО. Ф. 3, Оп. 179, Д. 11, Л. 23.

³² Столыпинские минеральные воды располагались в южной части Николаевского уезда Самарской губернии, в 30 в. от станции Ершов РУжд и в 50 в. от Балаково, на берегу р. Большой Кушум; занимали площадь 38 дес. / Столыпинские минеральные воды И.Г. Желябина. Саратов, 1911, с. 5.

³³ ЦГАСО. Ф. 3, Оп. 179, Д. 11, Л. 31.

С 1913 г. состоял от крестьян гласным Новоузенского уездного земства и от уездного земства – гласным Самарского уездного земства³⁴. Будучи агрономом, Клинг на земских собраниях много и активно выступал по вопросам сельского хозяйства. Особенно он настаивал на внедрении в севооборот травосеяния. С этой целью предлагал бесплатное распространение семян трав. Клинг состоял членом ревизионной и бюджетной комиссий, часто избирался секретарём земских собраний. С 1 января 1914 г. в течение трёх лет являлся членом Новоузенского уездного училищного совета³⁵ и членом Комитета при Краснокутской опытной станции³⁶.

После Февральской революции 1917 г. Г.П. Клинг вновь был избран от крестьян гласным Новоузенского уездного земства.

V

Г.П. Клинг имел непосредственное отношение к газете „Deutsche Volkszeitung“, был одним из инициаторов её издания. Вот как он сам описывает это в своей автобиографии:

«В конце 1905 г. и начале 1906 г. организовалось товарищество для издания газеты „Volkszeitung“ для немецкого крестьянского населения, насчитывавшего до 350 тыс. душ и не имевших газеты на немецком языке.

Первое товарищество в числе 50 человек вскоре распалось. Второе товарищество в числе 12-ти человек тоже просуществовало недолго.

Третье и последнее товарищество состояло из 3-х лиц: Абель, Лейман и меня; с большими осложнениями и изысканиями дотянули издание до 1915 г., когда она была закрыта по распоряжению губернатора.

Весной 1917 г. группа лиц предприняла сначала издание 10 номеров „Flugblätter“ – летучих листков, а затем возобновили издание газеты „Volkszeitung“».³⁷

В газете „Volkszeitung“ Клинг опубликовал множество статей общего характера и в частности по сельскому хозяйству. С 1909 г. он редактирует ежемесячный сельскохозяйственный журнал „Unser Landwirt“ в Саратове.

В дополнение к описанию издательской деятельности Г.П. Клинга в архивных документах находим следующие сведения: «В 1907 г. от начальника Саратовского г.[убернского] ж.[андармского] у.[правления] поступил в д.[епартамент] п.[олиции] запрос о разрешении Клингу открыть типографию в г. Саратове; последствия неизвестны».³⁸

Общественно-политическая газета на немецком языке „Deutsche Volkszeitung“ («Немецкая народная газета») издавалась в Саратове в 1906-1916 гг. В разное время она выходила под наименованиями: „Deutsche Volkszeitung“, „Volkszeitung“ („Volks-Zeitung“).

Первый номер газеты вышел 22 октября 1906 г. Её издателем и редактором стал бывший преподаватель 2-й женской гимназии в Саратове А.Э. Лане. С марта 1907 г. издателем газеты являлся С.А. Караханьянц, а с 1915 г. – С. Лебзак. Ответственный

³⁴ Журналы Новоузенского уездного земского собрания чрезвычайной сессии 6-7 сентября, 49-й очередной сессии 18-28 ноября 1913 года и доклады и доклады Новоузенской уездной земской управы с приложениями. Новоузенск, 1914, с. 242.

³⁵ Там же, с. 232.

³⁶ Там же, с. 244.

³⁷ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 12.

³⁸ Архивная справка Центрального архива РСФСР № 703811/СП от 16.10.1926. (ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 18-18об.).

редактор – Г. Абель. Газета печаталась в типографии Б.Л. Рабиновича, с 1908 г. – в типографии «Энергия», а с 1915 г. – в типографии Э.К. Измаила в Саратове.

До конца 1911 г. газета выходила под названием „Deutsche Volkszeitung“. С 1 января 1912 г., в связи с развернувшейся в России в средствах массовой информации антинемецкой кампанией, из заголовка газеты исчезло слово «немецкая» и она стала выходить под усечённым названием „Volkszeitung“.

Газета имела представительный коллектив сотрудников. В её издании принимали деятельное участие Г. Клинг, П. Зиннер, А. Лонзингер, А. Эмих, И. Эрбес. Наряду с обзором политических новостей публиковался целый ряд весьма ценных статей о краеведении, жизни поволжских немцев, рассказы и истории поволжско-немецких писателей. Под руководством пастора И. Шлейнинга газета особенно сильно выступала за права и интересы немцев Поволжья. В октябре 1914 г. за свою деятельность Шлейнинг был сослан в Сибирь.

С началом Первой мировой войны многие немецкие газеты, издававшиеся в России были закрыты. 5 августа 1914 г. был установлен персональный контроль над выходившими в Саратове немецкими газетами. Цензуру над газетой „Volkszeitung“ осуществлял инспектор по делам печати Б.К. Миллер. С этого момента на страницах издания больше не появляются статьи на тему немецкой культуры. Газета демонстрирует полную солидарность с властью, появляется рубрика „Der Krieg“ (Война) – сообщения с театра военных действий, где описывается положение на фронте, оцениваются позиции и успехи русской армии; печатается информация о благотворительных акциях в помощь русским солдатам. Несмотря на это, 5 июня 1916 г. газета была закрыта.

После Февральской революции 1917 г. газета получила второе рождение под наименованием „Saratower Deutsche Volkszeitung“ («Саратовская немецкая народная газета»).

16 марта 1917 г. на заседании Центрального Комитета немцев Поволжья (с августа 1917 г. – Центральное бюро немцев Поволжья) было принято решение об издании национальной газеты. Состоявшийся 25-27 апреля 1917 г. 1-й конгресс полномочных представителей немецких колонистов Среднего и Нижнего Поволжья постановил издавать газету „Saratower Deutsche Volkszeitung“. Планировалось к 15 июня 1917 г. напечатать пробный тираж в 20 тыс. экземпляров, а с 1 июля газета должна была выходить с периодичностью 2 раза в неделю.

Первый номер газеты вышел 1 июля 1917 г. Регулярный тираж доходил до 11 тыс. экземпляров. Редактировалась газета вернувшимся из ссылки пастором И. Шлейнингом, вторым редактором был С. Караханьянц. Газета являлась органом «Центрального комитета немцев Поволжья». Совместно с саратовской газетой „Deutsche Stimme aus dem Wolgagebiet“ (издавалась с 18 июня 1917 г. по 22 марта 1918 г.), печатным органом «Народного союза немецких католиков», редактируемой священником А. Баумтрогом и сыном торгового агента Ф. Клейном вела коалиционную публицистическую борьбу против социалистов Екатериненштадта и их печатного органа, газеты „Der Kolonist“, издаваемой с апреля 1917 г. в Екатериненштадте под руководством учителя А. Эмиха.

Газета была закрыта 3 января 1918 г. по приказу Новоузенского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

После Февральской революции Г.П. Клинг становится одним из инициаторов созыва 1-го конгресса полномочных представителей немецких колонистов, собравшего 334 делегата из 37 волостей с немецким населением Саратовской и Самарской губерний, Сарепты, немецких диаспор Саратова, Самары, Камышина, Царицына, Вольска, Астрахани и ряда других городов Поволжья. Конгресс проходил 25-27 апреля 1917 г. в Саратове. Г.П. Клинг принимал участие в работе конгресса как представитель от Верхне-Ерусланского округа. Его избирают в правление конгресса помощником председателя вместе с Г. Шельгорном. По предложению организационной секции конгресса было решено избрать «Центральный комитет поволжских немцев». В члены ЦК от Саратова избираются Г. Клинг (281 голос), Г. Шельгорн (281), К. Юстус (276), Ф. Шмидт (270), И. Шлидт

(260), А. Бир (249), И. Зибенгар (212), И. Борель (202), В. Шевалье (186), С. Шульц (182), И. Штауб (158), Ф. Шайдт (94).³⁹

Первый конгресс немцев Поволжья заложил основы автономии: были созданы законодательная власть (конгресс полномочных представителей) и исполнительная власть (Центральный комитет), по-новому была сориентирована система школьного образования, вводились налоги (одноразово для газеты, средства для обеспечения первых изданий ЦК); комитет должен был взять «в свои руки» организацию в колониях подписки на «заём свободы» Временного правительства. Эти решения имели своей целью достичь автономии внутри Российской империи. Это было подтверждено также присутствием на конгрессе заместителя комиссара Саратовской губернии А. Токарского и приветственными телеграммами в адрес А.Ф. Керенского и Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов.

В сентябре того же года Г.П. Клинг участвует в созыве и работе 2-го съезда в с. Сосновка (Шиллинг) и в конце года – 3-го съезда в с. Привальное (Варенбург).

VI

С 1919 г. Г.П. Клинг работал заведующим сельскохозяйственным отделом Саратовского отделения Московского Центрального рабочего кооператива. Затем, в 1920 г., он становится заведующим опорным пунктом Государственного солонцового института.

Весной 1922 г. Клинг поступил в Саратовский губземотдел и возглавил подотдел по животноводству (крупного рогатого скота).

1 августа 1923 г. он переходит на службу в Немецко-Волжский Банк Сельско-Хозяйственного Кредита и в течение нескольких лет возглавляет концессионный отдел вплоть до его ликвидации в 1929 г. в связи с передачей концессионных земель в Наркомзем.

В период работы в Немволбанке Г.П. Клинг вступил во Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Произошло это 26 октября 1926 г. по рекомендации Народовольческого землячества, в котором Клинг состоял к этому времени.⁴⁰ Генриху Петровичу Клингу был выдан членский билет за № 2063.⁴¹

После ликвидации концессионного отдела Немволбанка, с 20 июня 1929 г. Клинг стал безработным, в связи с чем 27 июня он подает заявление в Саратовское отделение общества политкаторжан о назначении ему пенсии:

³⁹ Verhandlungen der Versammlung der Kreisbevollmächtigten der Wolgakolonien in Saratow am 25. - 27. April 1917. Herausgegeben vom Zentralkomitee der deutschen Wolgakolonisten in Saratow. Saratow, 1917.

⁴⁰ Постановление № 29-136 от 26.10.1926 Оргкомиссии Саратовского отделения общества политкаторжан. (ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 45.)

⁴¹ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 58.

«Имея 67 лет от роду (родился в 1861 г. 12 декабря) мне трудно найти новую службу, а потому прошу возбудить ходатайство перед Центральным Советом о назначении мне пенсии».⁴²

Постановлением Веткомиссии ЦС от 15 июля 1929 г. Г.П. Клинг был зачислен в списки пенсионеров Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев «с июля мес.[яца] на ставку 120 р. в м.[есяц]».⁴³

Став персональным пенсионером, Клинг отнюдь не прекратил свою трудовую деятельность. Он состоял консультантом при сельскохозяйственной секции Саратовского горсовета. В Обществе политкаторжан работал в библиотеке, приводя её в порядок; состоял членом бюро комиссии взаимопомощи, какое-то время заведовал садоводческим участком общества. В ноябре 1930 г. Клинга направляют в Краевое архивное бюро для работы в архиве. По заданию Центрального Совета Общества политкаторжан ему поручают составление списков политических процессов 1905-1917 гг. по архивным материалам Судебной палаты и военно-окружных судов.⁴⁴ Этой работой он занимался до последних своих дней.

Из документов личного дела мы узнаем, что Г.П. Клинг состоял членом кооперации с 1919 г., являлся членом профсоюза с 1921 по 1928 год, но при этом он никогда не был членом партии большевиков. Во всех анкетах в графе «партийность» Клинг неизменно писал «беспартийный».

Последние годы (не менее восьми лет) Г.П. Клинг жил в Саратове на улице Вольской в доме № 91 во 2-ой квартире.

Умер Генрих Петрович Клинг 16 июня 1933 г. на 72-ом году от паралича сердца.⁴⁵

В некрологе о Г.П. Клинге, опубликованном в сборнике Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев «Каторга и ссылка» № 10 (107) за 1933 год ошибочно указана дата смерти Клинга – 16 июля 1933 г.⁴⁶ По всей видимости, произошло это из-за того, что писавший некролог И.И. Попов перепутал даты, указанные в свидетельстве о смерти Клинга. 16 июля – это не дата смерти, а дата внесения факта смерти в книгу записей актов гражданского состояния. Кроме того, день смерти Клинга, 16 июня, подтверждается телеграммой, отправленной Саратовским отделением политкаторжан в адрес Московского общества политкаторжан: «16 умер Клинг Генрих Петрович паралич сердца 18 вынос Совет». Телеграмма подписана одним из членов Оргкомитета Саратовского отделения политкаторжан 17 июня 1933 г.⁴⁷

VI

К сожалению, мне не удалось найти данные о семье Генриха Петровича Клинга. В анкете от 26 апреля 1926 г. в графе «семейное положение» он указывает, что он вдов.⁴⁸ В другой анкете, датированной 27-ым июнем 1929 г., заполняя графу «семейное положение» Клинг пишет: «Вдов, на моем иждивении находится свояченица, 59-летняя Паулина Карловна Асмус».⁴⁹

⁴² ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 20.

⁴³ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 22.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 39.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 539, Оп. 4, Д. 1582, Л. 12.

⁴⁶ Попов И.И. Генрих Петрович Клинг. // Каторга и ссылка. Сборник. – Б.м.: Изд. О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1933, № 10 (107), с. 128.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 30.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 1.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 19.

В 1933 г. Г.П. Клинг умирает. Но до этого Генрих Петрович и Паулина Карловна успевают оформить брак. Очевидно, что это произошло в период между 1929 и 1933 годами, но когда точно, установить не удалось. Так или иначе, после смерти Клинга Паулина Карловна выступает в роли его вдовы. 25 июня 1933 г. от имени его жены (теперь уже бывшей) она подает заявление в Совет Саратовского отделения общества политкаторжан следующего содержания:

«Прошу Вашего ходатайства перед Центральным Советом О-[бщест]ва б.[ывших] политкаторжан о предоставлении мне пенсии ввиду смерти моего мужа, последовавшей 16.VI, и моей нетрудоспособности – 3 июня мне исполнилось 62 года».⁵⁰

Итак, Паулина Карловна Клинг-Асмус – свояченица, жена и, наконец, вдова Генриха Петровича Клинга. Из архивных документов мы узнаём, что Паулина Эмилия Асмус родилась 21 мая 1871 г. в немецкой колонии Фрезенталь. Её отец – Карл Генрих Асмус, мать – Катарина Маргарета, урождённая Деллер.⁵¹ П.К. Клинг намного пережила Генриха Петровича Клинга и умерла в Москве в 1957 году.

---

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 34.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 533, Оп. 3, Д. 1341, Л. 32, 32об.